
Наталия МИХАЙЛОВА

* * *

Просыпаюсь ночью
в радостной тревоге.

Птичка за окном
очертила трелью:
вот ночь — БЫЛА.

Теперь — голубеет.
Я закрываю глаза
навстречу солнцу и свету...

Спокойно, как,
наверное, умирать
без греха,
не во время перемен.

От какого-нибудь другого
собственного недомогания,
от какой-нибудь другой
личной болезни.

* * *

Солнце светило.
Тепло пришло.
Благовещение апреля.

Мы сидели на скамейке
первый раз в 2020 году.
Это уже запрещено.

Голуби клевали.
Собаку поглажу.
Говорят, конец на носу.

Как время летит!
Неужели мы жили?
Остановись,
ультрафиолет!

Наталия Юрьевна Михайлова, родилась в 1990 году в Ленинграде, училась в Литературном институте им. Горького, СПбГХПА им. Штиглица. Публиковалась в журналах «Нева», «Чиж и Еж», «Звезда». Живет в Санкт-Петербурге.

УДЕЛЬНЫЙ ПАРК

Тяжелая туча
взгромоздилась на березы.
Без листьев они дрожали
торжественно и мужественно.

Показалось, будет буря.
Фотографирую.
Какие белые на синем!

Недавно картину «Колосс»
я видела в Интернете.
Еще сейчас коронавирус,
как огромный торс.

Выпало немного снега.
И он растаял,

Гойя.

* * *

С утра
я иду на кухню.
Включаю радио, там говорят,
как — теперь.

Из черной коробочки —
волна звука —
по старинке.

И если мне не нравится,
я опускаю рычажок —
ну его.

И все становится по-моему.

И все выздоравливают.

* * *

Вороны,
вороны,
все теперь ваше,
а я сижу дома
все дальше и дальше.

Все теперь ваше:
дворы и колодцы...
«Корона! Корона!» —
раскаркались птицы.

И набережная,
где я не иду,
и сады...
Только вынесу мусор вам на еду.

А вечером близко
схожу в уни-сам
на окраине вируса...

Переносицки
выползу,
словно микроб,
никого, никому — чтоб.

И пока меня ВОЗ
не увидела сверху,
проведу пятьсот метров
на воздухе.

* * *

Когда мы будем ходить по улицам?
В груди шевелится боль,
словно та змея,
которую кто-то съел.

И почему она вдруг здесь —
в сердце, и я страдаю?
Как близко оказалось до Китая.

* * *

Серая земля
в сквере
усеяна голубями.
Они клюют и клюют.
А цветы растут.

Я иду к метро,
хотя нельзя.

И у меня нет собаки.
И у меня нет детей.

Но вы меня не съедите,
летучие мыши.

И мы взойдем,
сколько бы нас ни убивали,
от имени всех цветов
подписываюсь:
«Нарцисс».

* * *

Можно смотреть на почки
и плакать.
Это слишком пронзительно,
что все живо.

Я стою под деревом.
Я могу уйти, куда хочу.

Какие вы будете?
Что вы готовите?

Впишите меня
в свои планы.

О грядущие кроны.

* * *

Напротив метро «Горьковская» — островок пустынного сквера.
Человек подбирается к остановке в маске.
Наклоняется подштанники подтянуть, опираясь на дорожное
заграждение...
И на всю улицу виден его голый зад.
Ветер дует, похолодало, даже снегом пахнет.
Прохожие на карантине, ни то ни се.

Я стою и жду, не решаясь помочь, как старик сядет.
Я не могу смотреть и оглядываюсь на мечеть.
И так очевидно, что Бог — не Аллах, который не приходил,
когда я плачу.